

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279

EDN: NIQDFB

Научная статья / Research article

Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе

Н.А. Токарева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ tokareva_nadia@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению актуального вопроса в современном социогуманитарном знании: вербальной этнической и языковой самоидентификации этнически нерусских авторов в русскоязычном поэтическом дискурсе. А именно мы проанализируем творчество уникального русскоязычного поэта бурятского происхождения Намжила Нимбуева с точки зрения вербальной демонстрации автором его принадлежности к определенному этносу в языковом и этническом аспектах. Рассматривается единственный сборник поэта «Стреложенные молнии», изданный в 1972 г. Особое внимание в исследовании уделено понятиям идентичность, самоидентификация, этническая и языковая самоидентификация; выбрана классификация самоидентификации. В основной части представлен анализ стихотворений Н. Нимбуева на интересующую нас тему. Были выделены слова непосредственно бурятского языка, национальные номинативы, прямые описания самоидентификации («я бурят»), косвенные, основанные на сравнениях и др. Рассмотрено отношение поэта к русскому и бурятскому языкам. В конце работы сделаны выводы о том, что автор самоидентифицирует себя с современным бурятом, выражающим национальную картину мира через русский язык.

Ключевые слова: поэзия, идентичность, этническая самоидентификация, языковая самоидентификация, Намжил Нимбуев

История статьи: поступила в редакцию 26.01.2024; принята к печати 19.03.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Токарева Н.А. Этническая и языковая самоидентификация Намжила Нимбуева в поэтическом дискурсе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 260–279. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279>

Ethnic and Linguistic Self-Identification of Namzhil Nimbuev in Poetic Discourse

Nadezhda A. Tokareva

RUDN University,
6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of a topical issue in modern socio-humanitarian knowledge: verbal ethnic and linguistic self-identification of ethnically non-Russian authors in Russian-language poetic discourse. Namely, we will analyze the work of a unique Russian-speaking poet of Buryat origin Namzhil Nimbuev from the point of view of the author's verbal demonstration of his belonging to a certain ethnicity in linguistic and ethnic aspects. This article examines the poet's only collection "Hobbled Lightning", published in 1972. The article has a brief theoretical introduction: the concepts of identity, self-identification, ethnic and linguistic self-identification are considered, the classification of self-identification is chosen. The main part of the article presents an analysis of N. Nimbuev's poems on the topic of interest to us. The words of the Buryat language, national nominatives, direct descriptions of self-identification ("I am a Buryat"), indirect ones based on comparisons and others were singled out. The poet's attitude to the Russian and Buryat languages is considered. At the end of the work conclusions are made that the author self-identifies himself with a modern Buryat, expressing the national picture of the world through the Russian language.

Key words: poetry, identity, ethnic self-identity, language self-identification, Namzhil Nimbuev

Article history: received 26.01. 2024; accepted 19.03.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Tokareva, N.A. 2024. "Ethnic and Linguistic Self-Identification of Namzhil Nimbuev in Poetic Discourse." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 260–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-260-279>

Введение

Познание человека и его бытия в филологической отрасли знания приобрело особую научную значимость в последние пять десятилетий, начиная с факта признания необходимости антропоцентрического поворота в языкознании / лингвистике. Антропоцентрический принцип выдвинул новые задачи не только в науке о языке, но и в литературоведении. Особенно в течение последних пятидесяти лет в работах многих ученых-филологов проводится идея необходимости изучения человека в языке и языка человека. Как отмечал фундаментальный теоретик языка Ю.С. Степанов, «ни один крупный лингвист... не миновал вопроса об антропоцентризме в языке» [1. С. 49].

На современном этапе развития признание принципа антропоцентризма в языкознании и литературоведении и в целом в дисциплинах филологического цикла обуславливает необходимость изучения человека в языке в широком социально-культурном контексте. В связи с этим перед филологичес-

кой наукой стоят актуальные задачи, обусловленные необходимостью изучения языковых явлений в тесной взаимосвязи с коммуникативной деятельностью человека.

В концепции антропоцентризма выдающегося французского лингвиста Э. Бенвениста (1902–1976), сформулированной им в фундаментальном труде «Общая лингвистика» (2002), язык рассматривается как возможность реализации личностного начала в человеке. По Э. Бенвенисту, отобразить человека без языка и изобретающего себе язык невозможно. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [2. С. 293].

М.А. Лаппо отмечает, что самоидентификационный дискурс носителя языка является сравнительно новым объектом лингвистических исследований, и выделяет «следующие основные направления ее изучения: 1) языковая идентичность, язык как признак принадлежности к этносу, нации (Быкова, 2007; Edwards, 2009, Валуйцева, Хухуни, 2009; Маркова, 2010; Рассоха, 2012; Бушев, 2013); и 2) конструирование, или выражение, разных видов идентичности, в нашем случае этнической (ван Т. Дейк, 1989; Wodak, 1999; Antonyan, 2012; Резанова, 2012; Гридина, Коновалова, 2016; Лаппо, 2018)» [3. С. 3].

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что термин «самоидентификация» является производным от термина «идентичность», поскольку обозначает процесс поиска идентичности, ответа на вопросы «кто я?» и «какой я?» [3. С. 13], и, по словам Л.В. Кривых, «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [4. С. 131].

В общепринятом понимании под языковой идентичностью понимается причисление себя к определенной группе людей, которые говорят на вашем языке. А этническая самоидентификация — это сознательный акт этнического самоопределения человека, отнесения самого себя к определенной этнической общности¹.

По словам М.А. Лаппо: «вербальная самоидентификация включает в себя выражение и описание идентичности. В вербальном конструировании идентичности, так же как и в любом другом высказывании с определенной ведущей семантикой, используются средства всех уровней языка» [3. С. 10].

В ходе исследования мы решили остановиться на анализе языковой и этнической самоидентификации творческой личности, а не идентичности. Так как самоидентификация является наиболее личностным и глубинным описательным процессом, у нас есть возможность проследить разные стадии на пути определения своей идентичности поэтом, окунуться в его переживания и конфликты, а также вместе с Н. Нимбуевым, возможно, прийти к «свету»,

¹ Этнология: современный словарь-справочник / под ред. Г.Т. Тавадова. Национальная энциклопедическая служба России (НЭС), 2007: электронная версия. URL: <https://voluntary.ru/termin/etnicheskaja-samoidentifikacija.html> (дата обращения: 18.09.2023).

найденному решению, осознанию на определенном этапе жизни своей идентичности (результат) с помощью самоидентификации (процесс). Нас, в первую очередь, интересует личное самоощущение поэта, его поиск себя и взгляд на самого себя. Заметим, что вербальная самоидентификация в поэтическом тексте представлена явственно, поскольку любой поэт обладает высоким уровнем лингвокреативности и имеет стремление к самоактуализации.

Важно отметить, что идентичность и самоидентификация не всегда совпадают. Язык как маркер идентичности необязательно свидетельствует о том, что личность самоидентифицирует себя с народом, говорящим на данном языке (например, ребенок эмигрантов из России, плохо говорящий на русском, но считающий его родным языком).

Также подчеркнем, что языковая и этническая идентичности тоже могут быть различны, если изменилась языковая самоидентификация, но сохранилась этническая (например, для советских людей всех национальностей основным государственным языком общения являлся русский язык, в связи с чем общение на родном национальном языке могло, в определенных случаях, сводиться на нет. Но тем не менее такой человек мог самоидентифицировать себя именно со своим этносом). И отметим, что личность может испытывать трудности с языковой идентичностью и самоидентификацией (если, например, в равной степени владеет двумя языками).

В данной статье мы проанализировали некоторые стихотворения, а также фрагменты стихотворений сборника Н. Нимбуева «Стреноженные молнии» с семантикой конструирования этнической и языковой идентичности. Нами были отобраны стихотворения, в которых встречается безэквивалентная лексика («чужие» реалии), относительно безэквивалентная лексика (пассивный словарный запас носителя русского языка, связанный с жизнью бурят); художественные тексты, где субъект (поэт) прямо номинирует свою принадлежность к бурятскому народу или сравнивает себя с ним (союз «как» или форма творительного падежа существительного); стихи, посвященные бурятам, Бурятии, предкам, степи как «дому» буряты, а также произведения, в которых упоминаются животные, предметы быта, культура и традиции жителей Бурятии и т. д.

Обсуждение

Реализация этнической и языковой самоидентификации в сборнике стихотворений Н. Нимбуева «Стреноженные молнии»

Намжил Нимбуев (1948–1971) — уникальный русскоязычный поэт бурятского происхождения, писавший свои произведения как на русском, так и на бурятском языках. Венцом творчества поэта стал подготовленный

им самим, посмертно вышедший сборник стихов «Стреноженные молнии» (1972 г.). Наибольшее число произведений автора написано на русском языке, однако характер творчества писателя позволяет в полной мере относить автора к транслингвальным писателям.

В данной работе мы рассмотрим этническую и языковую самоидентификацию Н. Нимбуева как описание идентичности говорящего, анализируя его сборник стихотворений «Стреноженные молнии». В исследовании мы будем опираться на классификацию М.А. Лаппо, представленную в ее диссертационном исследовании «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности» (2018 г.). Исследователь выделяет: 1) прямое описание; 2) косвенное описание; 3) скрытое описание [3. С. 18].

Прямое описание самоидентификации

К проявлению прямой самоидентификации относятся, в первую очередь, слова национального языка, которые выражают и закрепляют чувство принадлежности говорящего к какой-либо нации / этносу. Интересно, что автор использует совсем небольшое количество слов на бурятском. А именно нам удалось найти только одно слово на бурятском языке, для которого потребовался перевод: «хулэг», что значит «конь». И относительно немного национальных слов, которых нет в общем употреблении по всей территории России: *гутулы* — бурятская обувь из сукна, войлока и кожи (носки и голенища украшались аппликациями из кожи в виде хищных птиц, завитков и замкнутого узла; носки гутулов слегка изогнуты вверх из уважения к земле, чтобы не причинять ей вред); *унты* — разновидность утепленных сапог из разных видов меха; *хурчи* — соленый чай с молотой пшеницей; *хур* — монгольский и бурятский двухструнный смычковый музыкальный инструмент; *ёхор* — древнейший бурятский ритуальный танец; *улус* — поселение, деревня; *кошар(а)* — овчарня, загон для овец; *арба* — высокая двухколёсная повозка; *чалдонка* — название коренных русских в Сибири и их потомков. Как мы видим, это этнографическая лексика (наименования предметов и явлений традиционного быта): названия национальной одежды, напитков, музыкальных инструментов, танцев, предметов обихода и пр. Также топонимы: *Хамар-Дабан* — горный хребет на юге Восточной Сибири в Южном Прибайкалье, большей частью в пределах Республики Бурятия. И имена собственные: *Чимита* Григорьевна Шанюшкина — советская бурятская оперная и эстрадная певица (сопрано), народная артистка РСФСР (1978).

Встречаются слова, характеризующие национальный колорит: *пастух, отара, стада, овчина, верблюды, орлы, юрты, кочевой, монголка, стрелы, газелевка, смуглянки, спелые дыни, буддийское кладбище* и пр. «Тонконогие» лошади упоминаются не один раз и слова, связанные с ними: *табуныщик,*

копытный цокот, появляются сравнения других явлений со свойствами коней: *долгогривая пыль*. Как отмечает У.М. Бахтикиреева: «художественный текст содержит не только образ или модель определенного отрезка мира (номинативного содержания), но и отображение присущего автору взгляду на мир (коммуникативное содержание)» [5. С. 101]. С помощью слов на бурятском и монгольском языках автор воссоздает яркий, осязаемый, слышимый мир, до этого незнакомый русскому читателю, это помогает лучше проникнуть в реалии бурятского народа, увидеть мир глазами Н. Нимбуева, понять, что для него является понятным и обыденным, существенным и сущностным.

Также в сборнике стихотворений Н. Нимбуева мы находим большое количество прямых самоидентификаций, где автор сам называет себя бурятом. В данном случае самоидентификация выступает как описание идентичности говорящего субъекта — это рефлексивный процесс и номинативная стратегия причисления себя к группе, категории людей, какой-либо социально-психологической общности [3. С. 16]. Одно из стихотворений носит соответствующее название: «Бурятский поэт»: «*Я призван степь воспеть...*»; в стихотворении «Разговор с веком» мы читаем: «*Я — XX века бурят, / скотоводов безвестных потомок*»; в «Телепатии»: «*Я бурят, / я песчинка огромной оранжевой Азии, / капля охры / в ее разноцветном многообразии*». В стихотворении «Кинуть в лужу дохлого Пегаса» автор мечтает проявлять себя как бурята: «*в родную степь свалиться по весне / еще одним восторженным бурятом*»².

Интересно, что встречаются также примеры того, как поэт выражает горячее желание быть настоящим бурятом. И, с одной стороны, он демонстрирует свое несоответствие этому желанному идеалу, а с другой — надеется быть таковым и отважно продолжает дела своих предков, становясь их преемником. Здесь мы находим и прямое, и скрытое описание самоидентификации:

*«Умереть бы в седле
со стрелой под сердцем,
как истый бурят!»
...Ах, опять размечтался,
неможный интеллигент»³.*

В данном случае мы имеем дело с прямой самоидентификацией — «неможный интеллигент», косвенной — «как истый бурят» (сравнение) и скрытой — «в седле», «со стрелой под сердцем». «Седло» и «стрела» здесь выступают не нейтральными, а этнически наполненными словами, олицетворяющими жизнь и смерть настоящего кочевника.

² Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Нимбуев Н. Умереть бы в седле // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=51> (дата обращения: 23.01.2024).

*Мой дед выкашивал
гектар травы на дню.
Весной он умер.
Я – внук его.
Эй, кто одолжит мне литовку?*⁴

*Сегодняшней ночью
приснился мне смуглой предок.
Он пел в изголовье гортанные песни
и с жалостью щупал мои
прямые, оглоблями, ноги*⁵.

Здесь видим как прямую самоидентификацию — «смуглый предок», т.е. кочевник, поющий «гортанные песни», характерные для бурят, так и скрытую — «прямые, оглоблями, ноги», которые абсолютно не соответствуют образу настоящего буряты, так как у народов, постоянно находящихся в седле, ноги искривлены, что помогает крепче сидеть в седле и быстрее перемещаться на коне. Поэт вместе со своим предком сожалеет о потере идентичной формы своих ног как о потере некоей связи со своим народом.

Н. Нимбуев неоднократно пишет в своих стихах о Бурятии с любовью, а иногда и болью, называя ее родиной, отчизной, домом:

*Крохотным знаменем
над планетою бьется
отчизна моя —
Бурятия*⁶.

*Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощеким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его...
И нет времени слезы вытереть*⁷.

⁴ Нимбуев Н. Мой дед выкашивал // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=75> (дата обращения: 23.01.2024).

⁵ Нимбуев Н. Сегодняшней ночью // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=61> (дата обращения: 23.01.2024).

⁶ Нимбуев Н. Крохотным знаменем // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=81> (дата обращения: 23.01.2024).

⁷ Нимбуев Н. Стою на планете // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=62>

*Вдали, на чужбине,
о родине мысли
светлы и прекрасны.
Острей ощущаю:
она у меня одна⁸.*

*Полгода в седле мне качаться
до марев табунной отчизны.
Тоскую о ней и волнуясь
как будто ребенка
оставил в доме без присмотра⁹.*

В стихотворении «В родном улусе» дается идеалистичная картина жизни на родине автора. Поэт с любовью описывает жителей своего поселения: женщин, парней, стариков, детей. Их существование в этом пространстве приобретает новые вневременные характеристики: они живут в единении с природой, Космосом, они сами превращаются в нечто большее, становятся плотью и красотой Вселенной.

Тема отчизны в творчестве Н. Нимбуева неотделима от описаний степи:

*...Хребтом почуять: дом твой где-то рядом,
рыдать о нем роженицей во сне,
в родную степь свалиться по весне
еще одним восторженным бурятом;
скуластые вокруг увидеть лица,
от радости звериной ошалеть,
расплакаться, в душе не пожалеть
о людной белокаменной столице...¹⁰*

*Я призван степь
воспеть.
Но тягостный пейзаж
так однолик, невзрачен!
Скудна моя палитра:*

⁸ Нимбуев Н. Вдали, на чужбине // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=59> (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ Нимбуев Н. Полгода в седле мне качаться // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=78> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁰ Нимбуев Н. Кинуть в лужу дохлого Пегаса // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=136> (дата обращения: 23.01.2024).

*в цвета два
раскрашивать я должен полотно —
оранжевый и синий*¹¹.

В стихотворении «Возражение незнакомцу» Н. Нимбуев ревностно защищает родную Бурятию, когда кто-то не замечает ее уникальность: «*Не равняй Бурятию с Кавказом*» — эта фраза повторяется рефреном. Автор подчеркивает свою самоидентификацию словами: «*Здесь у нас*»:

*У степей, где вырос я когда-то
Красота святая и своя,
Ты попробуй позови бурята
За собой в далекие края.*

*Посули рубли ему мешками,
Золотые горы посули.
Он смущенно разведет руками —
Мол, корнями ноги в степь вросли.*

*Смуглая, скуластая бурятка
Выйдя в степь с отарой по утру
Вместе с песней весело и гладко
Вяжет песни, сидя на юру*

*Ласково тугое небо бьется
О подошвы стоптанных унтов
Через сердце стадо мерно льется
Тысячею пенистых валов*

*А табунщик неумело вроде
Хур ласкает медленно рукой,
Пара струн — и тысяча мелодий,
И одна напевнее другой*¹².

Связь и диалог с предками как попытка осознать свою идентичность часто встречаются в строках автора. Например, в стихотворении «Осень в еравнинских лесах» поэт жалеет о том, что время разделяет его с праотцами, он страстно желает воссоединения с ними, чтобы стать цельным, чтобы спеть свою истинную песню:

¹¹ Нимбуев Н. Бурятский поэт // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=85> (дата обращения: 23.01.2024).

¹² Нимбуев Н. Возражение незнакомцу // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=55> (дата обращения: 23.01.2024).

*Все является мне
в приглушенной годами беседе
мудрых предков,
ушедших из этих степей,
не дождавшись меня,
не дождавшись меня.
<...>
Где мой хур,
тонкошей тоскующий хур,
что закопан в степи моим предком?*

*Где мой хур?
Песня сердца
быть спетой желает
и щекочет уста¹³.*

«Для Н. Нимбуева всегда было важно для личностной самоидентификации осознать судьбы своего народа, родной культуры в условиях современности, с ее огромными темпами модернизации жизни», — подчеркивает исследователь бурятской литературы И.В. Булгутова [б. С. 110].

Обращаясь к рыжеволосому буряту в одноименном стихотворении, Н. Нимбуев повторяет: «*О брат, мой брат, сородич обрусевший! Тебя ни в чем я упрекать не смею. / О брат, мой брат, бурят солнцеволоосый!*», таким образом идентифицируя себя также с бурятским этносом. Автор не отрицает своего происхождения, не стыдится его, с уважением относится к своей нации. И в то же время понимает, что и в нем, как и в молодом рыжеволосом человеке, который «говорит» и «думает по-русски», борются историческая память и современность с песнями «битлзов, Азнавура, Маркарьяна», «Адамо» и «Такарацуки». Тем не менее, хотя герой стихотворения и не знает ёхор, не владеет бурятским языком («собирает редкие обрывки когда-то слышанных бурятских фраз и в цепь единую пытается выстроить»), он все равно остается бурятом:

*...И все же в нем бурятское осталось,
и оттого над временем смеюсь я:
торчащие упрямо скулы,
как сжатые крутые кулаки,
и ноги голенастые, кривые,
как разошедшийся железный обруч,*

¹³ Нимбуев Н. Осень в еравнинских лесах // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=60> (дата обращения: 23.01.2024).

*и жгучие раскосые глаза,
сверкающие остро под бровями...*¹⁴

Исследователи замечают, что «язык также выступает в большей мере символическим маркером этнической общности людей: они могут не пользоваться языком в повседневной жизни и не владеть им в достаточной для общения мере, однако могут рассматривать его в качестве важного маркера, отличающего их от представителей других этнических групп» [7. С. 39].

Важно особо подчеркнуть, что, испытывая сыновнее почтение к предкам, Н. Нимбуев осознает, что является современным человеком. В стихотворении «Разговор с веком» он, на наш взгляд, наиболее целостно самоидентифицирует себя. Здесь есть описание его связи с современностью: «*Каменный город — / моя колыбель*»; отношение к русской речи: «*она — / материнскую кровью во мне*»; но тем не менее песня столетнего деда невероятно сильно влияет на поэта: «*почему я слабею, / рыдания горло мне душат, / а глаза набухают, / вдруг огромней от слез становясь?*». Ведь именно песня, сберегающая духовное наследие предков в его первозданности, осознается одним из последних рубежей памяти национальных традиций [6. С. 107].

*...Ты ведь предков достойный потомок,
оттого голоса их живучи в тебе.
Прошлое тоже прекрасно,
но прекраснее завтрашний день.
Это пращурсы знают
и тебя не винят, —
говорил мне мой разум*¹⁵.

Поэт прежде всего хочет быть честным с самим собой, чтобы понять кто он, в том числе через творчество, ведь настоящая поэзия не может лгать, она раскрывает истинное в авторе и жизни. В стихотворении «Муза» у Н. Нимбуева не получается воспеть историю Чингисхана, «*уходящее время кочевий*» — муза реагирует на эти желания молчанием. Но стоит поэту вспомнить про настоящую жизнь, окружающую его и жаждущую воплотиться в стихе, как появляется вдохновение и рождаются строки и «*водосточная труба / вдруг распустилась белыми цветами*»¹⁶. Творчество как бы учит автора, что

¹⁴ Нимбуев Н. Рыжеволосому буряту // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=77> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁵ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁶ Нимбуев Н. Муза // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=83> (дата обращения: 23.01.2024).

нельзя быть настоящим, истинным собой, живя лишь прошлым, осознавая не свою реальность.

Также поэт требует искренности от других, например, в стихотворении «Русским поэтам»: *«Не довольно ли петь, / утирая вчерашние слезы», «Навсегда, навсегда ведь / истлели / дух и плоть азиатской орды», причисляя себя опять же не к русским, а к народам Востока: «И народы Востока — / тех варнаков сегодняшней день — / после мрачного сна пробуждаясь, / протянули вам смуглые руки»¹⁷.*

Косвенное описание самоидентификации

Косвенная самоидентификация выражается при помощи сравнений, относящихся к национальной вере, например, в стихотворении «Ноги мои, заключенные в тесную обувь»: *«как шаман в исступленном экстазе!»¹⁸. А также прослеживается самоидентификация через зооморфные образы животных, характерных для Бурятии. В стихотворении «Я не узнал свое отражение в воде» автор пишет: *«Глядит на меня / тонкомордый стройный олень, / и рога его запрокинуты в небо»* или *«Скуластым бурым волком, / я рыскал этой ночью»* в одноименном стихотворении. Особенно важна самоидентификация с одним из символов отчизны, животным наиболее дорогим сердцу кочевника:*

*Буряты коня укрощают.
Он ржет сиротливо и бьется в уздечке,
страшась распрощаться с детством.
И я был таким же упрямым и сильным
пять весен назад¹⁹.*

Н. Нимбуев так описывает свою внешность, противопоставляя ее внешности славянина (подчеркивая свою «нерусскость») и добавляя новые коннотации: *«Несу в толпе свой азиатский лик. / И он плывет среди рыжих, русских прядей / скуластым изваянием Будды»²⁰.*

¹⁷ Нимбуев Н. Русским поэтам // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=80> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁸ Нимбуев Н. Ноги мои, заключенные в тесную обувь // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=137> (дата обращения: 23.01.2024)

¹⁹ Нимбуев Н. Буряты коня укрощают // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=73> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁰ Нимбуев Н. 20 октября 1967 года // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=72> (дата обращения: 23.01.2024).

Скрытое описание самоидентификации

Скрытая самоидентификация как результат выводного знания, достраиваемого адресатом самостоятельно, на основе имеющихся у него сведений о мире [3. С. 18], на наш взгляд, встречается у Н. Нимбуева довольно редко. Отчасти под данное описание могут подойти следующие стихотворения, проникнутые мечтой слияния с национальным:

*Придумать бы длинную песню,
идя за стадами.
Всю жизнь ее петь,
до самой могилы петь.
Потомкам в наследство оставить²¹.*

В данном стихотворении обращает на себя внимание словосочетание «длинная песня», отсылающее нас к культуре кочевника. Именно такое определение «настораживает» слух русского читателя, так как это описание не является для него характерным (песня не «грустная», «залихватская» и пр., более привычные для русских песен). Песня бурята длинна, как и его путь следования за стадами (второе важное слово-маркер, свидетельствующее о самоидентификации Н. Нимбуева), о котором говорится дальше. Кочевники постоянно вынуждены перемещаться за своими стадами, быть в дороге, поэтому и песня оказывается не просто длинной, а, своего рода, нескончаемой (дорога = песня = степь). Песня длиною в жизнь, во всю закольцовывающуюся бесконечность тех, кто вырастал и умирал в седле, и их потомков, которые последуют примеру и будут петь эту песню, передавая ее последующим поколениям. Так и сам автор такой песни останется навсегда жить в своем народе, в своей степи. Поэт говорит о вечном движении кочевников, к которым хочет быть причастен. Отдать свое сердце песне, сочиненной в процессе проживания основной деятельности кочевого народа, а затем самому стать песней, душой этого народа — это и есть наиболее глубокое и сокровенное желание поэта. Такое стремление к единству с родным народом явно свидетельствует о том, что автор самоидентифицирует себя с кочевником-бурятом.

*Мой старый дед всегда возил с собой
морщинистое рваное седло.*

²¹ Нимбуев Н. Придумать бы длинную песню // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=10> (дата обращения 23.01.2024).

*Чудак он был,
свихнувшийся рассудком.
И все же седло я выбросить не смею²².*

В этом поэтическом тексте маркером скрытой самоидентификации становится «седло» как важнейшая вещь в жизни кочевника. Седло «морщинистое» и «рваное», значит, использовалось постоянно и много лет, что тоже подтверждает мысль о том, что принадлежало оно именно кочевнику, для которого движение по степи на коне за стадами — это жизнь. Поэт подчеркивает невозможность для себя расстаться с этим, казалось бы, бесполезным для него в современной жизни предметом, оставшимся от «чудного» дедушки. Для деда седло было чем-то очень ценным, возможно, символизировало Родину или образ жизни бурята. Поэт чувствует эту духовную ценность, воплощенную в старом седле, и не может отказаться от него, как и не может отвергнуть свое национальное. В данном стихотворении Н. Нимбуев принимает «эстафету» от своих предков, становясь частью кочевого народа, пусть и в XX в.

Таким образом, мы видим, что большинство описаний самоидентификации у поэта реализуется прямо (прямая самоидентификация), также встречается косвенная самоидентификация, относящая нас к образам бурятского мира, и скрытая самоидентификация, как разновидность косвенной, которая осуществляется крайне редко. Нам кажется, что такой выбор говорит о том, что горячее сердце молодого поэта четко осознавало свою этническую самоидентификацию, страстно желало быть причастным к своему народу, доказывая, прежде всего себе, кем он является.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Н. Нимбуев *самоидентифицирует себя с бурятом, с современным молодым бурятом*, помнящим свои корни, но воспевающим не только прошлое, но и время, актуальное для автора. Он понимает, что Бурятия — это его настоящий дом, о котором все мысли и переживания, но в то же время поэт определяет себя как бурята XX в., человека современного и интересующегося как прошлым, так и настоящим. Он видит красоту и жизнь и в урбанистической Москве, и в бурятском ауле. Поэт молод — его сердцу откликается и скорость, суэта городов, и размерность, тишина степи. Наиболее часто автор использует прямое описание самоидентификации, открыто, четко и эмоционально манифестируя свою этническую идентичность.

Далее рассмотрим отношение автора сборника «Стреноженные молнии» к языку, на котором он говорит и творит.

Необходимо отметить, что, по словам ученых, «в случаях, когда некоторые представители этноса отходят от своего этнического языка, он все же

²² Нимбуев Н. Мой старый дед всегда возил с собой // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=98> (дата обращения: 23.01.2024).

сохраняет роль этнического символа и определяет внутреннюю настроенность человека на исполнение заложенных в нем с детства этнокультурных норм. Самоидентификация индивида в качестве представителя определенного этноса совсем не предполагает наличие однозначно позитивной связи с языком, который символически ассоциируется с этой этнической общностью» [7. С. 40].

Поэт говорит и пишет стихи на русском, при этом открыто и часто подчеркивает, что является бурятом. Но имеет место противоречие. В стихотворении «20 октября 1967 года» поэт цитирует слова «старухи русской», обращенные к нему: «Напрасно лжешь так истово, любезный! / Вы говорите слишком безупречно / на нашем языке великороссов, / и по сему свой в доску человек²³». Знание русского языка в глазах людей причисляет автора к русским. Однако можно проследить, что, даже говоря, что русский язык «материнскою кровью во мне²⁴», Н. Нимбуев не может отрицать, что этнический язык действует на него гораздо сильнее, сокровеннее, приобретая черты чего-то экзистенциального:

Кто, кто окликнул меня на моем языке?

*В голосисто-хрустальном безлюдье
изумрудно-зеленые взрывы
подмосковных берез.*

Тень крыла на лице²⁵.

Повторим, что уровень идентичности определяется прежде всего предпочтением языка, а не его реальным использованием [7. С. 42].

Однако такая «разноголосица», «величайшая путаница рас» не может не отразиться на авторе. По нашему мнению, в стихотворении «Рыжеволосому буряту» поэт посвящает данные строки не только тому молодому человеку, но и себе, который понимает, каково находиться в таком противоречии:

*...Ты — молодое деревце,
с мольбою воздевшее худые руки-ветви
на поле грозной и кровавой брани*

²³ Нимбуев Н. 20 октября 1967 года // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=72> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁴ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁵ Нимбуев Н. Кто, кто окликнул меня на моем языке? // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=105> (дата обращения: 23.01.2024).

*меж русской горделивой ратью
и пыльными туманами Батыя*²⁶.

Такое положение «между» на поле сражения: с одной стороны, жертва и гибель, непонимание и отсутствие полного принятия с обеих сторон, а с другой — миротворчество, тот, кто понимает и тех и других. Мольба «худых рук-ветвей» кажется слабой — что может столь тонкое и хрупкое на первый взгляд существо, да еще и в одиночку? Но в действительности только гибкость и молодость имеет силу²⁷.

Рассмотрим одно из самых ярких стихотворений Н. Нимбуева на интересующую нас тему «Русский язык». Поэт образно показывает соотношение русского и бурятского в своей душе, называя русский язык «голубем», а бурятскую речь, которая проявляется через русский язык, — «беркутенком».

Не случаен и выбор именно этих птиц. Голубь — это символ мира, чистоты, любви, безмятежности, надежды. Именно эти качества ассоциируются у Н. Нимбуева с Россией и русским в себе. Колокольня также дополняет этот образ, относя нас к православной вере христиан России. Характерно, что голубь поэта не спокоен, он вьется, воркует, как язычок колокола, с помощью которого раздаются звуки, охватывающие огромные пространства. Так и голос Н. Нимбуева, молодого, динамичного и смелого поэта, прорезает пространства и время.

Беркут же является неофициальным символом Бурятии: эти птицы — самые крупные из орлов республики, ныне занесенные в Красную книгу. Гордый беркут также олицетворяет силу, смелость и долголетие. Культ этой птицы присутствует во многих преданиях и легендах. У шаманов Бурятии беркут символизирует духовное возрождение [8. С. 44]. Но даже в самом наименовании птиц мы видим зажатое, загнанное, недоразвитое положение этнического в авторе, так как используется уменьшительно-ласкательная форма слова. Мы понимаем, что это маленький беркут или птенец, еще не выросший в величественную и опасную птицу.

В данном художественном тексте присутствуют мотивы далекого прошлого, древних истоков поэта — нынешняя территория Бурятии издревле принадлежала монгольским племенам. Звучит тема чувства вины перед предками: поэт будто предал их, став «блудным сыном». Это подтверждается тем, что беркутенок не свободно летает, как голубь, а «сидит», и не в свободном

²⁶ Нимбуев Н. Рыжеволосому буряту // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=77> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁷ «Слабость велика, сила ничтожна. Когда человек рождается, он слаб и гибок. Когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево произрастает, оно гибко и нежно, и когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому, что отвердело, то не победит» — Лао-цзы.

пространстве, а в «подъязычье». Но тем не менее птенец имеет огромную власть над автором: крылья беркутенка жесткие, в отличие от нежного голубя; он захватывает речь поэта мгновенно («едва захлопает жестким крылом»), непреодолимо («врываются в речь мою русскую властно / гортанные, хриплые, смутные звуки») и неожиданно («внезапно»). Для нас важно подчеркнуть, что эти звуки, характерные для бурятской, но не русской речи, воспроизводятся все же средствами русского языка:

*...И речь моя русская пахнет внезапно
 полынной степью, звездой, табунами,
 скрипучим седлом, и гарцующим в нем
 удальцом, и скачущей с песней к нему
 с горизонта чернявой девчонкою —
 дочерью солнца...*

Далее поэт дает негативные образы такой русской речи: «Ты желчной старухой, базарной торговкой / орудуешь шумно в гортани моей — / в лавчонке своей». Здесь он использует слова низкого стиля, с пренебрежительным оттенком.

Передача всего бурятского, что есть в поэте, через русскую речь приводит автора к диссонансу, который разрывает его душу и приводит к отрицанию себя («до злости слепой, себе становлюсь я противен»). Звуки его речи становятся как «оскорбленная пчела», мечущаяся, ищущая свободы и кусающая — даже самых близких — от безвыходности и обиды («Свирепые звуки укусом пчелы оскорбленной терзают друзей»).

Но затем, после всех внутренних страданий и несоответствий, поэт говорит о том, что подобное единение картины мира бурята, воспроизводимой русским языком, все же возможно: «Ты горным ручьем низвергаешься гулко, / и в струях жемчужных сверкают форелью / изящность Европы и хмурая ласка Востока...». При помощи образов воды автор демонстрирует некое неотвратимое обновление, новое рождение себя в двуязычии, принятие в себе, казалось бы, несовместимого: Востока и Запада. Он осознает уникальность своей речи, видит ее созидательную силу: «И светлые брызги твои посевают в умах человеческих / ландыши мыслей»²⁸.

Таким образом, в стихотворении «Русский язык» Н. Нимбуев проходит через разные стадии в отношениях со своим языком: разграничение русской речи и бурятского духа, прорывающегося в русском языке автора; различение и оценивание их; негодование от их сосуществования в себе и, наконец, принятие своеобразия своей языковой парадигмы.

²⁸ Нимбуев Н. Разговор с веком // Поэзия Н. Нимбуева. URL: <https://nimbuev.buryatia.org/namzhil/stih.php?id=56> (дата обращения: 23.01.2024)

Следует отметить, что самоидентификация в творчестве Н. Нимбуева выражена не только с помощью наполнения поэтического текста национальным содержанием, нестандартными для русского уха эпитетами, метафорами, сравнениями и пр. Необычна сама форма. Поэт отступает от классического силлабо-тонического стихосложения, характерного для русской поэзии, и пишет верлибром. Считается, что родоначальниками верлибра были французские поэты-символисты конца 1880-х гг. Однако, читая стихи Н. Нимбуева, облеченные в эту стихотворную оболочку, не возникает ассоциаций с западной литературой. Русскому читателю стихотворения бурятского поэта, с большей вероятностью, напоминают японские хокку, отсылая исключительно к восточной культуре. Все потому, что поэт чувствовал связь свободного стиха и монгольской поэтики. Автор считал, что нельзя соответствовать классической форме в ущерб содержанию. Он «лепит» свое национальное из «глины» русского языка. Исходя из этого, можно утверждать, что Н. Нимбуев смог выразить сердце бурятского народа средствами русского языка, делая его как бы похожим на бурятский язык. Или, как отмечает Е.Н. Кремер: в «языковой оболочке» русского языка закодированы иные культуры [9. С. 113].

Заключение

Мы согласны с исследователем М.А. Лаппо в том, что идентичность нуждается в постоянной проверке и утверждении, связана с эмоциями и ценностями говорящего [3. С. 21], именно поэтому произведения Н. Нимбуева, связанные с темой самоидентификации, наиболее эмоциональны, в них присутствует эмотивно-оценочная лексика.

Анализ сборника стихотворений «Стреноженные молнии» Н. Нимбуева позволяет прийти к выводам о том, что самоидентификация автора наиболее сконцентрирована в произведениях о родине, творчестве, прошлом и современности. Размышления над вопросом «Кем я являюсь?» представляют собой важный мотив творчества автора и демонстрируют высокий уровень значимости переживаний относительно принадлежности автора к своему народу, а также глубокую эмоциональную вовлеченность.

Подводя итог, можно сделать вывод, что автор определяет себя *бурятом, говорящим на русском языке, выражающим свое национальное через русский язык*. Он «блудный сын», но все же сын своего народа, который, как в притче, возвращается к отцу с еще большей любовью. И национальное в нем неодолимо, как это проявлено во многих стихотворениях. Творчество Н. Нимбуева репрезентирует сосуществование, проявление этнической самоидентификации через русский язык.

Синтез двух не связанных генетическим родством языков, культур, объединённых одним пространством, обусловил появление нестандартной язы-

ковой и этнической идентичности, уникальный способ мышления, отраженный в поэзии, которая сохранила традицию мыслить образами своего народа (этноса). Иначе говоря, у Н. Нимбуева два дома: русский язык и бурятская картина мира.

Список литературы

1. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. 2-е изд. М.: УРСС, 2002.
3. *Латто М.А.* Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018.
4. *Кривых Л.В.* Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 130–140.
5. *Бахтикиреева У.М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
6. *Булгутова И.В.* Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции: монография. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017.
7. *Рахметова А.Т., Темургазина З.К., Мажитаева Ш.* Язык как фактор этнической идентичности казахстанской молодежи // Алтайский Медиабарометр: культурная и языковая идентичность Восточной и Центральной Азии»: сборник статей по итогам Международного научного онлайн-симпозиума «Алтайский Медиабарометр: культурная и языковая идентичность Восточной и Центральной Азии» (16-17 декабря 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 38–44.
8. *Хохлова Ю.Б.* Скульптура как культурный маркер городского пространства на примере Улан-Удэ, сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Т. II. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. С. 40–46.
9. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая идентичность билингвальной личности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

References

1. Stepanov, Yu.S. 1975. *Methods and principles of modern linguistics*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
2. Benveniste, E. 2002. *General linguistics*. Translated by Yu.N. Karaulov [and others]. 2 ed. Moscow: URSS publ. Print. (In Russ.)
3. Lappo, M.A. 2018. “Self-identification discourse of the Russian elite linguistic personality.” Candidate of phil. Sciences thesis. Novosibirsk. Print. (In Russ.)
4. Krivyykh, L.V. 2009. “The symbolic world as the basis of self-identification.” *Political and philosophical yearbook*, vol. 2, pp. 130–140. Print. (In Russ.)
5. Bakhtikireeva, U.M. 1995. “Artistic functions of vocabulary with a national-cultural component of semantics in the novel by Chingiz Aitmatov ‘The Day Lasts More Than a Hundred Years’.” Dissertation for PhD in philology. Moscow. Print. (In Russ.)
6. Bulgutova, I.V. 2017. *Buryat philosophical lyrics: mythopoetic foundations and traditions: monograph*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. Print. (In Russ.)

7. Rakhmetova, A.T., Temirgazina, Z.K. and Sh. Mazhitayeva. 2022. “Language as a factor of ethnic identity of Kazakhstani youth Altai Mediabarometer.” In Cultural and linguistic identity of East and Central Asia: a collection of articles based on the results of the International scientific online symposium “Altai Mediabarometer: cultural and linguistic identity of East and Central Asia”, December 16–17, 2021, Barnaul. Edited by N.V. Halina. Barnaul: Altai University Publishing House, pp. 38–44. Print. (In Russ.)
8. Khokhlova, Yu.B. 2019. “Sculpture as a cultural marker of urban space on the example of Ulan-Ude.” In Preservation, study and popularization of heritage: experience of participation and development vectors: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Volume II. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture, pp. 40–46. Print. (In Russ.)
9. Kremer, E.N. 2010. Problems of Russian-foreign bilingualism (linguistic identity of a bilingual personality). Dissertation for Ph.D. in philology. Moscow: RUDN University publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Токарева Надежда Андреевна — педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов; E-mail: tokareva_nadia@mail.ru

Bio note:

Nadezhda A. Tokareva is a Teacher of Additional Education of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Russian Language Institute, RUDN University. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru